

Я, пребывая в приподнятом настроении, невольно выпалила: «Моя тетушка Цинхэ забеременела до замужества, другие тетушки тоже выходили замуж по нескольку раз. И что с того? Почему мужчины могут приводить в дом одну за другой, а женщины обязаны хранить себя в чистоте и ждать?»

Она нахмурилась: «Твои тетушки таковы, значит, и меня ты считаешь такой же?»

Лишь тогда я поняла, что она снова всё неправильно истолковала, и поспешила ответить: «Я не это имела в виду. Я... я знаю, что ты чиста. Просто думаю, что не стоит так уж заикливаться на этой чистоте. Чистота — выдумка мужчин, чтобы обманывать женщин. На самом деле, если двое любят друг друга и верны, то прошлое не имеет значения. А-Хуань, я и правда не придаю этому значения. Для меня важна только ты». Говоря это, я обняла её, словно подтверждая свои слова.

Она замерла, глядя на меня, а через мгновение лицо её снова покраснело. Она фыркнула: «Неудивительно, что знатные семьи не хотят породниться с принцессами. Оказывается, при дворе такие нравы».

Я рассмеялась: «Если они не хотят, разве не к твоей выгоде? Или ты предпочла бы, чтобы я вышла замуж за какого-нибудь юношу со стороны? А?»

Она презрительно сплюнула: «Хотят они или нет, тебе всё равно придётся выйти замуж. Что бы я ни желала, ничего не изменится».

(Часть текста в примечаниях автора)

Примечания автора:

Я видела, как она хмурится, и мне это показалось ещё милее. Обняв её, я засмеялась: «Кто же говорил, что в будущем не будет просить ничего, кроме возможности остаться рядом со мной? А теперь ты ревнуешь. Даже супруга Вэй-гуна, известная на весь свет своей ревностью, не сравнится с тобой».

Она снова фыркнула, внезапно оттолкнула меня, перевернула и прижала к кровати, холодно сказав: «Тебе всё равно на чистоту, а мне — нет. Если ты и вправду любишь меня, как сама говоришь, то позволь мне взять тебя. Осмелишься?»

Её характер всегда был таким упрямым, и именно это упрямство сводило меня с ума. Я улыбнулась ей с хитрой усмешкой: «Почему бы и нет? Боюсь лишь, что это ты не осмелишься, Вэй... мой супруг».

Она одним движением опрокинула меня на кровать.

Мини-сцена:

Тайпин: Стань моим супругом?

Вэй Хуань: Нет, не хочу жениться на принцессе.

Тайпин (обиженно): Почему?

Вэй Хуань: Я просто люблю принцесс.

Тайпин: (J`□)J`□**!!!**

Я явно не смогла удовлетворить А-Хуань, и теперь она набросилась на меня с удвоенным пылом. В её глазах читалась уверенность, словно она была в этом деле опытна. Однако, несмотря на всю свою уверенность, она провозилась со мной минут тридцать-сорок, прежде чем нашла нужное место. Добравшись до цели, она словно рыбак, обнаруживший райский уголок, увлеклась созерцанием красоты, забыв о главном.

Я уже вся горела от стыда, но, будучи неискушённой, старалась сохранять достоинство и смущённо спросила: «На что ты смотришь?»

Она ответила: «Смотрю, какая ты нежная, словно лепесток только что распустившегося персикового цветка». С этими словами она наклонилась и поцеловала то самое место. Я сжалась от стыда, прикрываясь рукой: «Это ты говоришь такие слова!»

Она и сама не ожидала, что ляпнет такое, и щёки её залились румянцем. Она осторожно раздвинула мои ноги — движения её были очень нежны, даже чересчур, отчего мне стало лишь нестерпимее. Она всё спрашивала: «Не больно? Если больно, скажи. Я... я не очень умею». Но, несмотря на слова, руки её продолжали двигаться, пальцы, словно шёлковые нити, касались кожи, вызывая во мне бурю.

Меня охватило нетерпение, но говорить напрямую было стыдно. Я перевернулась, прижавшись лицом к подушке, и пробормотала: «Если собираешься что-то делать, делай быстрее. Мне ещё нужно в Чертог Сяньцзюй доложить». Едва я это произнесла, как почувствовала тепло сзади — она прикоснулась к моей округлости и вновь поцеловала: «Быть белокожей — вот это преимущество. Всё такое нежное и розовое, просто прелесть. Не то что я».

Пока её руки не касались меня, я думала, что в покое тепло, даже душно. Но едва она прикоснулась, словно внезапно наступил холод, и лишь её ладони пылали, как солнце, излучая жар.

Всё тело мое застыло, стыд обуял меня, но я не могла удержаться и прижалась к ней сильнее. Она поднялась сзади, целуя снизу вверх, её губы скользили по бёдрам, пояснице, спине, достигли шеи, затем плеча. Наверное, я вся покраснела, потому что она отстранилась на дюйм и с восхищением прошептала: «Ты сейчас... вся как цветущий персик».

Мне страстно захотелось развернуться и прижать её к подушке, но в дверь раздался неуместный стук, и служанка осторожно произнесла: «Госпожа Вэй, пора выходить».

Я в испуге схватила первую попавшуюся одежду и спрыгнула с кровати. Вэй Хуань ухватила меня за руку, резко усадила на край, не дав вскрикнуть, обняла и прошептала на ухо: «Оденься и сядь спокойно».

Я пришла в себя и начала судорожно наряжаться, а она, сидя сзади, помогала мне. Затем надела свои штаны, подошла к зеркалу, поправила причёску, взяла книгу и, развернув её передо мной, неспешно подошла к двери, открыла и спросила: «Что за шум?»

Две служанки, увидев меня сидящей на кровати, перепугались и чуть не пали ниц, но А-Хуань остановила их: «А-Ван, возьми чай из серебряной коробки, ошпарь кипятком и подай тётке Эрнян чайный отвар. А-Фан, принеси тарелку сладостей».

Отдав распоряжения, она подошла ко мне и, указывая на книгу, спросила: «Тётка Эрнян, как вам эта строка?»

Я взглянула и, не понимая, как она умудрилась указать, увидела строку «В поле мёртвый

олень». Я бросила на неё укорный взгляд. Она тоже опустила глаза, увидела, куда указывает, покраснела, слегка кашлянула и медленно перевела палец на начало главы: «Так называемые Чжоу и Шао находятся к югу от горы Цишань в округе Юн, неподалёку от нынешней столицы. Если будет время, можно съездить туда и посмотреть».

Видя её смущение, я тоже приняла серьёзный вид и завела беседу: «В „Шицзине“ триста стихов, собранных со всех уголков Поднебесной. Если посещать каждое место, то и жизни не хватит».

Она улыбнулась: «Всё равно, куда-нибудь да съездим». Говоря это, она смотрела на меня с игривым прищуром. Мне это не понравилось, и я нарочно спросила: «А-Хуань, а какой стих из трёхсот тебе больше всего нравится?»

Она ответила: «Все слова из шести канонов хороши».

Я с хитрой усмешкой спросила: «Но если бы пришлось выбрать?»

Она покосилась на меня, перевернула свиток и сказала: «Больше всего нравится „Строки росы“».

Я-то думала, такая прилежная девушка, как она, предпочтёт «Да я» или «Сун», а оказалось — «Строки росы». Немного поразмыслив над строками, я всё поняла, взяла её за руку и проглотила все шутливые слова, что вертелись на языке, лишь улыбнувшись: «Как совпало, мне тоже нравится этот стих».

Она явно не поверила, подняла бровь и посмотрела на меня. Я заметила, что А-Фан подходит к двери, и быстро прошептала ей на ухо: «Ты мне нравишься, а тебе нравится этот стих, значит, и он мне нравится». Сказав это, я повернулась, показала ей язык, взяла со стоящего перед А-Фан подноса сладость, положила в рот и, жуя, сказала: «Вкусно. Тебя зовут А-Фан? Отнеси этот поднос ко мне и получи награду».

Пока А-Фан кланялась, А-Хуань бросила на меня сердитый взгляд, подошла к двери и почтительно произнесла: «Проводить тётку Эрнян».

Я удивилась: «Ты не пойдёшь со мной? Не помню, чтобы давала тебе выходной. Или я забыла, что сегодня ты отдыхаешь?»

Она, явно стиснув зубы, но сдерживаясь, лишь сказала: «Я ошиблась. Я должна служить госпоже».

Я ответила: «Тогда пойдём со мной вперёд, возьми книгу, я хочу продолжить читать». Если все преимущества быть принцессой таковы, как сегодня, то это действительно стоит того. А если каждый день с А-Хуань будет происходить то же, то я ни за что не променяю это даже на божественное бессмертие.

А-Хуань, конечно, думала иначе, потому что, хотя на людях она держалась почтительно, то и дело, когда никто не видел, бросала на меня сердитые взгляды, словно собиралась расправиться со мной, едва мы останемся наедине. К сожалению, едва мы вернулись в покои, явился слуга от матушки, чтобы вызвать меня для доклада, не оставив нам ни мгновения уединения.